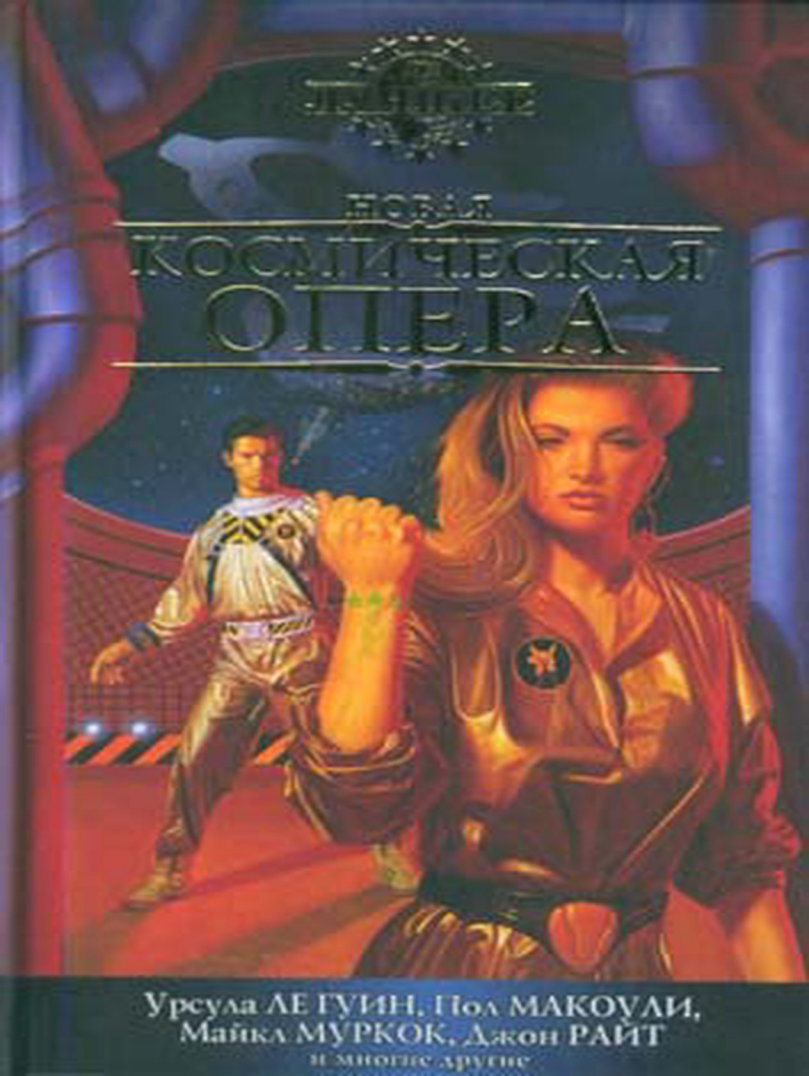
НОВАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ
ОПЕРА
Урсула ЛЕ ГУИН, Пол МАКОУЛИ,
Майкл МУРКОК, Джон РАЙТ
и многие другие

Медвежий капкан
Чарльз Стросс

Аннотация
Чарльз Стросс. Медвежий капкан

Аннотация

На просьбу порекомендовать для данной антологии что-нибудь из своей малой прозы Стросс ответил: «За возможным исключением рассказа „Медвежий капкан", который еле-еле протискивается в рамки этого жанра, я вообще не пишу космических опер малой формы. Ну да, конечно, есть и другие исключения: некоторые куски „Акселерандо" звучат вроде как по-космооперному… Но они же все-таки части романа и потому, наверное, вам не годятся». Поэтому решено было в этом сборнике представить рассказ «Медвежий капкан».

Чарльз Стросс
Медвежий капкан[1]

[1] Примечания: 1

"Bear Trap" copyright © 2000 by Charles Stross

До посадки в Бургундии оставались какие-то шесть часов, когда мой паевой портфель попытался меня убить. Я сидел в одном из главных обзорных салонов, с ногами, по щиколотку погруженными в мягко дышащий мех, посасывая ручной кальян и вполглаза следя за турниром. Моими соседями по салону были чрезмерно услужливый бар, несколько других пассажиров и, конечно же, смотровая стена. Она изгибалась рядом со мной, припорошенная золотом звезд, на их фоне массивно пучился сине-белый шар, планета. Я попытался всмотреться в далекие материки. «Шесть часов до безопасности», — подумалось мне. По позвоночнику пробежал холодок. Еще шесть часов, и я буду вне досягаемости, под защитой мощного файрвола Бургундии. Побыть мишенью еще шесть часов, и тогда…

— Мне кажется, что трубка уважаемого сэра потухла, — сказал бесшумно подъехавший бар. — Не желает ли сэр, чтобы я ее набил?

— Нет, сэр не желает, — ответил я, смутно приняв во внимание, что пульс тут же начал отбивать по внутренней поверхности моего черепа барабанную дробь.

Мой рот был наполнен горечью с привкусом дыма, в голове стояла непривычная тишина. Ре-

зультат принятых пилюль и временной задержки между моими агентами, удаленными на световые годы, втиснутыми, как в горлышко бутылки, в узкую пропускную полосу причинно-следственных каналов между мозгом и серверами, в которых обитала большая часть моей публичной личности.

— По правде говоря, — сказал я, — мне не помешал бы глоток отрезвителя. Через сколько времени мы прибываем и куда?

Бар тут же вручил мне маленькую рюмку и слегка поклонился, демонстрируя тем почтительность, заложенную создателями в его программу.

— В настоящий момент это судно находится в четырехстах тысячах километров от причала номер семь на бургундском бобовом стебле.[2] Ваше прибытие намечено через иммиграционный сектор Монтро, затем на метро до вокзала Кастилия.

---

[2] Примечания: 2

Бобовый стебель — аллюзия на известный сказочный сюжет о бобовом (гороховом) стебле, по которому герой залезает на небо. Такой «бобовый стебель» — канат, протянутый с экватора планеты до синхронной орбиты и несколько дальше, теоретически возможен, если иметь материал прочностью в миллионы раз большей, чем прочность любых современных материалов, но уж с этим-то в будущем, где у них будет всякое углеродное волокно, никаких проблем не возникнет. А поднимаются-опускаются по «бобовому стеблю» в «стручке», это уж само собой.

Примите, пожалуйста, во внимание полученный вами инструктаж по таможенным правилам и не забудьте освободиться от всех неположенных предметов или мыслей, могущих находиться в вашем распоряжении перед выходом из корабля. Старший стюард с радостью организует их хранение вплоть до момента вашего отбытия, каковое неизбежно последует в будущем. Поступило и зарегистрировано три запроса на личный контакт…

— Достаточно.

Отрезвитель встряхнул меня, и все стало значительно яснее. Я огляделся по сторонам. Нам оставалось до места какие-то три с половиной световые секунды, вся исходящая и входящая информация уже направлялась через внутрисистемные передатчики и безусловные рефлексы цензуры ее величества, а потому любой желающий послать сетевых агентов должен будет преодолеть для начала ее файрвол. Именно поэтому в первую очередь я и согласился заключить этот малопривлекательный контракт. Я пытался расслабиться, но без особого успеха, тугой комок, свившийся где-то под ребрами, не желал никуда уходить.

— Я хочу… — начал я.

— Ален!

Из дальнего конца салона ко мне направлялась одна из пассажирок. Было похоже, что она меня знает, но я-то ее не знал и в своем теперешнем состоянии только и мог, что не позволить себе выругаться вслух. Кредитор? Ликвидатор? После недавнего падения биржи я мог ожидать и того и другого. В сотый раз я клял свою невезучесть, это ж надо было — остаться без покрытия, и в самый неподходящий момент.

— Так вот где ты прячешься!

Лысая, по обычной бургундской моде, она оживила свои веки сочными мазками черной краски. Ее костюм был весьма замысловат и ярко расцвечен. Некое месиво из мертвоживотных изделий и кружев, оставлявшее оголенными только плечи и лодыжки; она была явно одета для бала. Мало-помалу мной овладевало смущение.

— Сдаюсь, мадам, — промямлил я, неуверенно вставая. — Не знаю даже, что вам и сказать.

— Не знаешь? — В ее взгляде сквозило неодобрение. — А знаешь ли ты, что через шесть часов мы покидаем корабль — после, конечно же, прощального бала? Или ты думаешь проспать капитанский бал?

Мое знание было доступно, хоть и весьма мед-

лительно. *Кто это такая,* спросил я. Ответ был настолько неожидан, что я чуть снова от удивления не сел. *Арианна Бломенфельд. Твоя жена.* В тщетной попытке избавиться от наваждения я встряхнул головой.

— Прости, но я немного не в своей тарелке, — сказал я, роняя кальян на стойку. — Прекрасное, кстати, курево.

Моя глуповатая ухмылка должна была скрыть бешеную работу мгновенно протрезвевшего мозга. *Знание, проведи, пожалуйста, проверку личности на цельность.*

Уголки ее рта недовольно приспустились.

— Ты опять перебрал? — вопросила она.

Нет, я просто нагаллюцинировал твое существование, хрен уж знает зачем.

— Конечно же, нет, — обиделся я со всей доступной мне естественностью. — Я лишь побаловал себя трубочкой. В этом же нет ничего дурного, или ты не согласна?

Деталей, побольше деталей. Кто-то или что-то докопалось своими ручонками до моей внешней памяти; мне срочно требовалось определить, что они там нахимичили.

— Бал начнется с минуты на минуту, внизу, в Закатном зале, — сказала она, подавая мне руку,

затянутую кружевной перчаткой без кончиков пальцев. — И тебе, конечно же, нужно сперва одеться.

Знание хоть и со скрипом, но расшевелилось, завалив мою мнемоническую систему целой вьюгой нежданных образов — воспоминаний обо мне и об этой женщине, этой Арианне Бломенфельд. Воспоминаний о том, чего не было в моей жизни. Свадебный ужин в каком-то роскошном Авернском поместье, невеста и жених в ярко-красных костюмах: я узнал самого себя, мирно улыбавшегося в центре событий. Сцены более приватные, ночи медового месяца, которых не было, а жаль. Безупречное порождение богатого купеческо-шпионского клана, она была, по всей видимости, наследницей их фамильного знания, еще до рождения предназначенной для заключения крепкого союза. Изображения не приватные: мы на скоростной паук-яхте, бороздящей бескрайние просторы южного океана напрочь чуждой мне планеты. Затем куски общедоступных новостей: я (вместе с ней, конечно же) присутствую в столице на каком-то мероприятии, где было полным-полно самодовольных экспортных брокеров. Торговля опциями с привлечением кредитов по преимущественным правам на СС/

ДС[3] коммуникации, часть моих повседневных арбитражных операций.

Рука Арианны казалась сквозь перчатку хрупкой и почти невесомой. Какая жалость, подумалось мне, что я не то что не бывал на Аверни, но даже никогда к ней не приближался на расстояние меньше двух десятков световых лет.

— Так ты идешь, дорогой? — спросила она.

— Ну конечно.

Я позволил ей направить меня к двери, все еще оглушенный настойчивостью памяти, утверждавшей, что она моя жена, — это просто не лезло ни в какие ворота! Либо я по нелепой случайности стер здоровенный кусок своей личности, либо кто-то сумел-таки добраться до моего внешнего знания, пока сам я пребывал под защитой сверхнадежного файрвола, рубежа, возведенного почти-божеством, о чьей мании преследования знает каждый.

— А сперва, — сказал я, — я схожу переодеться.

Арианна подвела меня к лестнице, и я поспешил на жилой уровень, где располагался мой номер. Открыв дверь, я снова впал в полную растерянность. Когда я уходил из номера, он был

---

[3] Примечания: 3

СС — сверхсветовой, *ДС* — досветовой.

почти точной копией моих апартаментов в Старом городе Шевралье: строгий до аскетичности классицизм и горы безделушек, в беспорядке наваленных на изящную, с ручной резьбой мебель. Теперь же все изменилось. У стен громоздилась тяжелая мрачная мебель, делавшая номер тесным и неуютным, в том числе — персональная корнукопия,[4] заводики, готовые по первой моей просьбе и одеть меня, и накормить.

Чувствуя, что голова идет кругом, я прислонился к стене. *Кто я такой?*

Ты Ален Бломенфельд, информационный брокер при авернской фирме «Синдик д'Аржан». За реальное время, истекшее после последней проверки тобою знания, никто из твоих знакомых не умер. Никто из твоих знакомых не изменил точку зрения. Непрерывность твоего сознания полностью подтверждается. В данный момент ты…

— Ошибка. Срочно перепроверь, — скомандовал я вслух.

А затем, внутри собственной головы, добавил другую команду, команду сугубо личную, которая никогда не уйдет за пределы нейропроцессоров, вживленных в кору моего мозга.

---

[4] Примечания: 4
Корнукопия — рог изобилия.

В глазах у меня замелькали иероглифы самопроверки, я ощутил зябкий приступ гнева, когда тайный соглядатай стал сканировать мою память, сверять ее с внешней, составлявшей мой публичный образ и хранившейся в системах знания, разбросанных по всему обжитому пространству. Вся моя публичная память была проверена с использованием публичных ключей, приватные половинки которых были зашиты в мой таламус так прочно и так надежно, что любая попытка украсть их была бы равносильна убийству.

Обнаружена глобальная нестыковка. Внешние темпоральные структуры не согласуются с внутренней контрольной суммой. Внутренняя память не выказывает признаков когнитивной инженерии. Твоя внешняя память подверглась вмешательству извне. Тревога!

— Угу. *Спасибо, что вовремя меня предупредил.* Гардероб?

Я сел на краешек кровати и попытался думать о двух вещах сразу и очень быстро. Гардероб тут же вывел меня из раздумий.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Мне нужен полный костюм, подходящий для капитанского бала. Что ты можешь мне пред-

ложить?

Зеркало помутнело, а затем прояснилось и стало показывать меня в разнообразных костюмах, как в бургундских, так и принятых в Авернской автономии. Я отметил, что мое тело не претерпело вроде бы никаких изменений, что успокаивало, хотя и не слишком. Тем временем в моей голове лихорадочно клубились мысли: *я нахожусь под ударом? А если да, то какое нападение мне угрожает — физическое или экзистенциальное?* Скорее, экзистенциальное, и Арианна, кем бы она ни была, являлась элементом какой-то попытки тайно проникнуть в мою личность — но только зачем, почему? Кто может иметь хоть какие-то мотивы для подобного заговора? Вполне возможно, что за мной охотятся нанятые биржей убийцы, готовые без раздумий прикончить меня и доставить своим заказчикам всю мою память и биржевые опции, компактно переписанные в куб, но они вряд ли способны на всякие тонкости. Так кто же тогда?

— Остановимся, пожалуй, на этом, — сказал я, когда мой зеркальный образ облачился в темную, строгого покроя мантию.

Затем я задумался на мгновение, вызывая из своих внутренних цепей программу скрытного

производства: *изготовь мне эту вещь и положи ее во внутренний карман*. Сбросив гардеробу конструкцию, я начал раздеваться.

Знать бы мне только, кто они такие и чего от меня хотят.

Знать бы мне только, чего мне надо опасаться…

Главный салон являл собою мраморное великолепие, словно желая лишний раз подчеркнуть, что у современного космического путешественника нет никаких проблем, связанных с массой. Корабль показал мне мое место; среди болтающих при свечах гостей обозначился пунктир мигающих светлячков.

— Ален! Ну как приятно видеть тебя снова!

Я не мог разобраться, сарказм это или нет. Ее побледневшие от напряжения губы изогнулись в приветливой улыбке.

— Я непростительно задержался, — констатировал я, садясь с ней рядом.

— Ничего страшного. Я как раз говорила Айвене — познакомься, пожалуйста, — что никогда не знаю, чего от тебя ожидать.

На этот раз сарказм был очевиден, и проскользнувшая нотка враждебности заставила меня рефлекторно выпрямиться. Айвена, нечто блон-

динистое с очень светлым цветом лица, одобрительно кивнула, я ее гордо проигнорировал.

— Да я и сам не знаю, — поддержал я, беря со стола свой винный бокал. Неусыпный служитель тут же опустил к бокалу рот и изверг из себя тонкую красную струйку. Я поднес бокал к носу, поболтал в нем вино и глубоко вдохнул. — Ты уже как-нибудь договорилась о нашем прибытии?

— Я ждала тебя, чтобы все это обсудить, — сдержанно признала она.

И тут я неожиданно заметил, что все, без остатка, ее внимание сосредоточено на мне. Это было немного пугающим. В культуре дешевой общедоступной красоты валюта эстетического совершенства сильно упала в цене. Арианна Бломенфельд была не столько хорошенькой, сколько броской, а по тому, как во всем ощущалась ее необузданная натура, можно было догадываться, что она прибегает к услугам лишь самых утонченных ваятелей тела. Не будь ситуация такой тоскливо запутанной, я бы, наверно, ходил вокруг нее кругами, капая слюной и свесив язык до полу.

— Только это, пожалуй, стоит перенести на потом, когда мы будем одни, — сказала она.

— Возможно.

Я отпил из бокала, пытаясь сообразить, на что это она намекает. Подали главное блюдо: нежную, тонко нарезанную плоть под белым соусом. Мы ели во враждебной тишине, нарушаемой лишь пустопорожней болтовней блондинки с ее партнером, таким же безликим ничтожеством неопределенного возраста и с весьма сомнительным вкусом. Я, как мог, изучал Арианну, делая вид, что в упор ее не замечаю. А изучать было, в общем, и нечего, она не выявляла никаких эмоций, разве что время от времени, когда вскользь на меня поглядывала.

Я ел, не обращая внимания на еду, полностью отключившись от речи капитана, а также от последовавших за ней тостов и благодарностей за гостеприимство. Время от времени то тот, то другой малый агент выкладывал на задворки моего мозга обрывок того или иного мнения. Чуть менее часто официтроны меняли тарелки и окружали нас удушливой заботой. Я обреченно боролся с миской сладких спагетти, когда Арианна решила наконец со мной поговорить.

— Рано или поздно тебе придется принять решение относительно своего будущего, — заявила она без обиняков. — Ты не можешь увиливать от меня бесконечно. Я хочу, Ален, чтобы ты дал

мне прямой ответ. Медведь или бык?[5] Тот или другой?

— О чем это ты? — Моя вилка застыла на пути ко рту. — Знаешь, дорогая, я не люблю играть в загадки, — сказал я, пожав плечами.

Но Арианна спрашивала неспроста — судя по тому, что она напряженно улыбнулась и сказала:

— Ален, тебе не нужно больше прятаться. Все уже позади. Мы ускользнули, бежали. Теперь уже можно не притворяться.

— Мне… — Я замолк и положил вилку. — Мне абсолютно непонятно, о чем это ты говоришь. — Мое деланое недоумение было вознаграждено замешательством, появившимся на лице Арианны. — Я не очень хорошо себя чувствую, — добавил я для галерки.

— О-о, поясни нам, пожалуйста, — сказал компаньон блондинки, явно не отличавшийся быстротой ума.

— А и нечего тут объяснять, — бросила Арианна, не отрывая от меня холодного, понимающего взгляда.

Я слышал, как колотится пульс у меня в висках.

---

[5] Примечания: 5

Медведь — биржевой игрок, играющий на понижение, *бык* — игрок, играющий на повышение.

А не может ли статься, что ей тоже подсунули ложную память о себе? Что она тоже жертва… Жертва чего? Жертва того, что здесь происходит. Я глядел на лицо Арианны, отмечая движение крови по ее венам: слегка раскраснелась, признаки возбуждения и быстрой, отчаянной работы мысли. Неуютно поежившись, я был вынужден признать, что она озадачена не меньше меня.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — туповато повторил я и приказал своему таламусу наглядно изобразить все признаки недомогания. — Так что вы уж меня извините.

Я встал и, собрав остатки достоинства, вышел из зала. За моей спиной возбужденно защебетали блондинка и ее компаньон, но никто за мной не последовал, не бросился мне помогать.

На этот раз в моем номере ничего не изменилось, все было то же самое и на прежних местах. Я сунул руку в карман, нащупал устройство, заказанное мной гардеробу, и вошел в спальню.

— Стой и не двигайся.

Я замер. Было непонятно, каким образом Арианна попала сюда раньше меня, и уж совсем непонятно, почему мой замок не стал для нее помехой, но я бы не стал заключать пари, что она безоружна.

— Что ты здесь делаешь? — вопросил я, подпустив в свой голос нотки негодования.

— Сегодня вопросы задаю я.

Стоя у стены между трюмо и гардеробом, она изучала меня, как жука на булавке; темная ткань ее платья меняла цвет, стараясь получше слиться с мореным дубом панельной обшивки. *Субъект подавляет эмиссию на всех служебных каналах. Установить контекст не представляется возможным*, доложил мне редко используемый дух. В ее правой руке было нечто округлое, направленное прямо на меня.

— Кто ты такой и зачем ты фальсифицировал мое публичное самознание? — спросила она.

Я недоуменно сморгнул:

— Я — твое? Да это ты взломала и подделала мое знание.

Я пытался унять барабанную дробь своего пульса. (Куда бежать? Дверь за спиной открыта, но вся простреливается. Ее пальцы плотно сомкнуты на рукоятке оружия, их кончики побелели от напряжения. Стресс, чуть-чуть, и сорвется.)

— И вообще, — добавил я, — кончай притворяться. Я сомневаюсь, чтобы за нами наблюдали, да это и не имеет значения, твоя взяла.

Надеясь, что она не будет стрелять, если не

увидит, что зажато у меня в руке, я хотел сперва разузнать как можно больше. А к тому же мне не нравится вид крови.

— Не ври. Скажи мне лучше, на кого ты работаешь?! Голос Арианны звучал все возбужденнее, она вскинула

шар и через кровать и комнату, нас разделявшие, направила его мне в лицо. Глубинное теплозрение прямо показывало мне ее пульс, а другой дух неустанно считал: *сто тридцать семь, сто тридцать девять*...Признаки серьезного стресса. А вдруг она говорит правду?

— Я не менял твое знание! Я думал, это ты нахимичила с моим...

Арианна на мгновение утратила контроль над своим лицом, и стало видно, что она потрясена.

— Если ты говоришь правду... — начала она и не закончила фразу.

— А не хочет ли кто-нибудь тебя убить? Не хочет ли кто-нибудь убить нас обоих? — спросил я, глядя прямо на нее.

— Подожди.

Сенсорное нарушение в главном канале доступа, пропищал мне в ухо какой-то агент, одуревший от мании преследования. *Развивается атака отказом в обслуживании.* Видимо, Арианна тоже

слушала в это время нечто подобное, потому что она вдруг резко развернулась и ударила в стену кулаком; стена разлетелась со звуком бьющегося стекла. Арианна шагнула в сторону, указывая на меня пальцем, — большое темное кольцо делало его похожим на кургузый ствол пистолета.

— Сюда, наружу, — крикнула она. — Шевелись!

Я не заставил себя упрашивать. Одним прыжком через кровать, к дырке в стене, на лету взглянув, куда ж это я, — а затем прямо в дырку. Меня вскользь ударило что-то твердое и тяжелое. Было темно, и мои глаза не сразу смогли адаптироваться. Я находился в некоем служебном проходе — низкий потолок, по нему и по стенам сплошь уложены толстые трубы. Я мельком огляделся. Со всех сторон громоздились какие-то устройства. Пожалуй, это был некий служебный отсек внутреннего корпуса.

— Быстренько. Шевелись, — пробормотала сзади Арианна, отгоняя меня от пробитой стены. — Быстрее! — прошипела она.

— Зачем?

— Да шевелись же ты!

Я опустился на четвереньки и кое-как заковылял в темноту. Услышав за спиной шорох, я

рискнул оглянуться.

— Быстрее, придурок! — Арианна тоже шла на четвереньках, низкий потолок не давал выпрямиться. — Ну, если ты врешь, я…

Трах.

Я сморгнул, не совсем понимая, где я и как сюда попал. *Это был очень громкий звук*, смутно проплыло в моей голове. Что-то подергало меня за ногу, и я открыл глаза; в ушах звенело, а в левом глазу то вспыхивал, то исчезал огонек. Я снова сморгнул и попытался сфокусировать взгляд, кто-то настойчиво пытался привлечь мое внимание. *В чем дело?*

Срочное сообщение от Арианны Бломенфельд:«Это предназначалось нам». К сообщению было прикреплено приложение, простенький медицинский сканер, сообщивший ей, что я уже в сознании, прежде чем я успел ему помешать. Я приподнял голову, проморгался, вдруг осознал, что совсем лишился дыхания, и начал натужно кашлять. Кто-то зажал мне рот ладонью, и, вместо того чтобы кашлять, я стал задыхаться. *Сообщение: Не говори. Установлена безопасная двусторонняя связь*. Я ее чувствовал, что-то свербело, как отрезанная нога — чужая отрезанная нога.

— Что случилось?

— Атака отказом в обслуживании и вдобавок к ней бомба.

Слезы текли по моим щекам непрерывным потоком. Она освободила мой рот, и я заметил в пыльном полумраке, что ее изящные кружевные перчатки превратились в нечто более серьезное, да и платье тоже спешно перестраивалось во что-то вроде плотно облегающего комбинезона — космический скафандр? Броня?

— Это должно было грохнуть нас обоих, пока мы с тобой разговаривали, — продолжала она. — Последняя, наверное, их попытка, после посадки все станет немного иначе. И в общем-то, низкий информационный контент.

— А ты знаешь, — спросил я, — кто это к нам привязался?

— Обсудим это позднее, — поморщилась Арианна. — Если выйдем отсюда живыми.

— Они ведь и меня хотят убить, — передал я ей, стараясь не шевелить губами.

— А потому кончай валяться и двигай дальше.

— В какую сторону?

Арианна указала на легкую служебную лесенку. Я снова встал на четвереньки и страдальчески сморщился от ритмичных, в такт пульсу вспы-

шек боли в голове. Грохот где-то вдалеке, змеиное шипение вытекающего воздуха, а затем ощущение головокружительной легкости: корабельная псевдогравитация отключилась, передав управление посадочным диспетчерам.

— И — ножками, до самого низа.

— Знаешь, а у меня есть мысль. Почему бы нам с тобой не разделиться? Будет меньше вероятности, что они поймают нас обоих.

Арианна как-то странно на меня посмотрела.

— Ну, если ты так хочешь…

Добро пожаловать в Бургундию.

По червоточинам в пространстве, проделанным Эсхатоном, мощным богоподобным разумом, порожденным в период сингулярности, люди бежали со старой Земли в бесчисленные миры, разбросанные по области поперечником шесть тысяч световых лет. Некоторые из этих миров, в том числе и Бургундия, связаны между собой: люди и грузы перемещаются на космических кораблях, а информация — по сети мгновенных, но ограниченных полосой пропускания казуальных каналов, раскинутой Фестивалем.

Бургундия — это развитая, несколько интровертная цивилизация, покоящаяся на согбенных спинах нарочно созданного пролетариата. Пер-

вый же малость богоподобный искусственный разум, явившийся на Бургундию после ее вторичного открытия, запретил корнукопии и поработил людей, что они стерпели, поскольку самые изощренные прихоти Царицы не шли ни в какое сравнение с гнетом их собственных вождей.

Бургундия завоевала себе умеренную известность как информационный буфер — побочный эффект параноидального страха ее самодержицы перед злокозненными посягательствами других божеств. Эта держава экспортирует конфиденциальность, буферы для линий задержки, тонкие вина и диссидентов. Иными словами, это последнее место, какое может привлечь фьючерсного дельца, специализирующегося на перепродаже двойных опционов главного сектора рынка искусственных интеллектов, то есть кого-нибудь вроде меня. Но с другой стороны…

Как экономист, специализирующийся на решении методом монте-карло задач для больших, слабо определенных систем, я представляю вполне естественный интерес для Царицы, почему та и послала мне предложение, над которым в нормальное время я бы десять раз подумал; в тех же обстоятельствах, в каких я был на Дор-

донье, — при постоянно висевшей надо мною угрозе — отказ показался мне неоправданной роскошью.

В попытке защитить эту монархию от возможных атак переполнением буферов и алгоритмической сложностью на Бургундии запрещены многие технологии. В результате царицына столица Кастилия, огромный город, почти три миллиона душ, выглядит так, словно на дворе у нас Средние века. Именно сюда, к ступеням главного железнодорожного вокзала, доставил меня с бобового стебля посадочный стручок, доставил совершенно ошалевшего от тайм-лага и быстрого спуска. Арианна исчезла еще в тот момент, когда я открывал боковую дверку в жилые отсеки нашего корабля, я не видел, как она уходила, но смутно припоминаю некое дрожание воздуха, замутившее вид обшитой дубом стены. В моих ушах все еще звенело после взрыва, и я был в таком замешательстве, что не замечал почти ничего, пока не обнаружил себя в проулке, куда завез меня мой автономник, высматривавший гостевой дом, где Державное Казначейство сняло мне комнату.

Вся глубина неосредневекового варварства, в котором погряз этот город, стала мне ясна,

когда я добрался наконец до своей мансарды. И дело совсем не в ливрейных слугах и даже не в непристойно толстом, физически старом экономе, который гордо довел меня до номера, а в водопроводной системе. Свинцовая — да, все еще свинцовая! — труба входила сквозь дырку в потолке одной из комнат и через литой кран в виде горгульи изливала воду в большой оловянный таз.

— Видите, у нас тут все, какие только были, древние предметы роскоши! — восхищался своим хозяйством Сейлем, эконом. — Эта вода спускается с крыши из нашего собственного крышного бака. Вы, как мне мнится, в жизни такого еще не видели.

Я кивнул, слегка ошарашенный перспективой знакомства со всей микрофауной, которая, вне всяких сомнений, кишмя кишела в этих помоях.

— Вы вполне уверены, что у вас нет никакого багажа? — спросил он, высоко подняв кустистую левую бровь, в явном неприятии самой уже мысли, что солидный джентльмен-негоциант может путешествовать, ничем не обремененный.

— Ни даже узелка, — ответил я. — Я прибыл сюда на космическом корабле…

Эконом зажмурился и тут же открыл глаза.

— О-о, и при этом не поселились во дворце? — Он немного пошаркал, словно в неуверенности, что ему делать со своими ногами, а затем отвесил мне не очень глубокий, но почтительный поклон. — Ваше присутствие, милорд, высокая для нас честь.

Когда мне удалось наконец от него избавиться — ценою вызова портного, чтобы спешно сообразить мне одежду, достойную моего положения, — я проверил номер на предмет жучков. Сработанные на заказ жукоискатели не обнаружили ничего, кроме более естественной микрофауны, населявшей и мою постель, и гардероб, и даже занавески. Я разобрал устройство, лежавшее у меня в кармане, на три отдельные части и спрятал две из них в полые каблуки: в этих краях за обладание такой игрушкой могли посадить на кол, буде Царица соблаговолит ее заметить. (Третью часть я надел на левый указательный палец под видом кольца.)

Покончив с этими телодвижениями, я лег на кровать, закинул руки за голову и уперся взглядом в пыльный балдахин.

— Что я тут делаю? — пробормотал я вслух.

Явиться в канцелярию двора в день, последующий приземлению, дабы взять на себя все

управление портфелем активов внутренних, равно как и зарубежных, говорилось в контракте; и это в такое время, добавил я про себя, когда я стараюсь не привлекать к себе никакого внимания и прячусь от агентов биржи. Разумность моего согласия на этот контракт вызывала все большие сомнения.

На следующий день я заявился в казначейство, дабы приступить к исполнению своих обязанностей.

Дикое нагромождение башен и башенок, горгулий и краснокирпичных арок Канцелярии располагалось на Столичной площади по другую сторону от Летнего дворца, изящного беломраморного здания, чьи бойницы и параболические рефлекторы были направлены куда-то на юг, через реку. Когда я подошел к парадному входу Канцелярии, внушительно вооруженные стражники вытянулись по стойке «смирно», а их командир шагнул вперед.

— Сэр Бломенфельд, — отчеканил сержант, — я имею честь приветствовать вас от имени ее ужасающего величества и передать ее благосклонное пожелание всяческих успехов на ее службе.

— Благодарю вас от всех глубин моего сердца, — ответил я, несколько ошарашенный этим

мгновенным узнаванием. — Великое благо и честь быть приветствуемым в такой возвышенной манере. Я сохраню драгоценную память об этом до своего смертного часа.

Не перебрал ли с этим «смертным часом»? — запоздало встревожился мой внутренний голос.

Сержант кивнул, и только тогда я заметил антенные прутики, задекорированные плюмажем его роскошного шлема, и на удивление костистые пальцы, проступавшие даже через толстые перчатки, и странную несгибаемость его спины. Судя по всему, технологические ограничения нимало не относились к службе безопасности ее величества

— Не соблаговолит ли уважаемый сэр пройти сюда? — спросил он, направляя меня к незаметной боковой двери.

Вход для торговцев.

— Конечно.

Распахнув передо мной дверь, сержант повел меня сперва по довольно неказистой лестнице, а затем по широкому, с мраморным полом коридору, по стенам которого висели портреты пожилых багровоносых господ — человеческая династия, правившая до воцарения ее величества. Мы вошли в кабинет, где за крытым кожей

письменным столом восседал человек с испитым землистым лицом и едва ли не меньшим количеством волос на голове, чем было вчера у моей эрзац-супруги.

— Ваша честь, сэр Ален Бломенфельд явился, как предписано в контракте.

Человек поднял лицо, и тогда сержант представил его мне:

— Его светлость Виктор Манчуско, старший помощник казначея ее величества, управляющий ее тайным портфелем.

Тайный портфель? Я удивленно сморгнул и даже почти не заметил, как сержант поклонился и вышел.

— Сэр, я…

— Садитесь.

Лорд Манчуско указал мне рукой на богато изукрашенный стул, который, по всей видимости, был задуман дизайнером как орудие изощренных пыток. Лордовы очочки в тонкой золотой оправе чуть поблескивали в тусклом свете, сочившемся из маленьких, высоко расположенных окошек.

— Как я понял по вашей реакции, вы ничего подобного не ожидали.

— Да в общем-то нет, — признался я, стараясь совладать со своим смятением. — Я считал, что ко

мне обратились, чтобы я навел порядок в отслеживании зависимостей в бартерном секторе…

— Чушь. — Манчуско с силой ударил по столу ладонью, я был готов побожиться, что тот болезненно скривился. — Неужели вы думаете, что мы нуждаемся в инопланетных интеллектах для задач подобного рода?

— Хм. Тогда, значит, вы имели в виду нечто иное?

— Чрезмерный упор на заемные средства при работе на рынке информационных фьючерсов? — скупо усмехнулся помощник казначея.

В нижней части моего желудка возник ледяной комок.

— Да, — неохотно признался я.

— Расскажите мне поподробнее.

— Но об этом же кричали по всем фестивальным каналам. Вы не можете не знать…

Он снова усмехнулся, и как-то не очень хорошо.

— А вы сделайте вид, что я ничего не знаю.

— О-о.

Я непроизвольно съежился. Вот так вот. Значит, я не нужен им в качестве счетовода, так? *Влип, и по-крупному*. И если я не предоставлю им того, что им нужно, они могут держать меня здесь

хоть до скончания века. Я облизнул пересохшие губы и начал:

— Конечно же, вам известно, какие товары обращаются на информационной бирже, в основном — принципиальные схемы разнообразных устройств, метамемы, улучшенные алгоритмы просмотра сети и всякое в этом роде. Чаще всего для процессирования этих товаров нужны серьезные объемы мыслевремени, поэтому мы обмениваем операционную мощность на опции по улучшенным алгоритмам. В значительной своей части задействованные в обмене сущности и сами являются разумными, пусть и в малой степени. К примеру, даже некоторые из финансовых инструментов…

Я неловко смолк.

— Такие как «Бломенфельд и Сай», если я правильно понимаю.

— Да, — кивнул я. — Я горжусь этой компанией. Пусть даже она и довольно маленькая, если смотреть на другие, она была моя, я сам ее создал. И мы прекрасно сработались. Я был ее управляющим, а она моей главной меметической силой. Она была самой сообразительной компанией, какую я только мог, создать. У нас был потрясающий замысел, а тут рынок возьми и обрушься.

— Да, — кивнул Манчуско. — Тогда сгорели очень многие.

Я печально вздохнул и чуть расслабился.

— Я слишком раскрылся. Сложный обмен деривативами, просчитанный назад от предсказания одной из септагоновских квантово-оракульных программ, — я рассчитывал, что он даст линейный рост по скородумам четвертого типа за какие-нибудь пять мыслелет, — и не обеспеченный ничем, кроме бросовых облигаций, выпущенных в Капоне-Сити. Согласно моим Бейсианским анализаторам, за те пятнадцать секунд, на которые я остался без покрытия, ничего плохого случиться не могло. Только это были именно те пятнадцать секунд, когда… ну, вы сами все знаете.

Обычно Эсхатон не лезет в наши дела; прямое вмешательство этого мощного почти-божества можно спровоцировать разве что широкомасштабным нарушением причинности. Что бы там ни случилось в системе Элдрича на рынке информационных фьючерсов, это было плохо, очень плохо. Плохо с большой буквы. Достаточно плохо, чтобы бог начал действовать. Вмешался оттуда, с той стороны сингулярности. Достаточно плохо, чтобы биржа ударилась в панику, чтобы все брокеры стали по сути медведями, каждый из

них старался продать все свои активы, словно от этого зависела его жизнь.

— Элдрич полностью потерял управление, Эсхатон был вынужден вмешаться, — сказал Манчуско, словно читая мои мысли. — Вы находились на опасной середине сложной цепочки капиталовложений, а тут рынок рухнул, и по причине неудачной транзитивной ответственности вы остались по уши в долгах. Как сильно вы тогда раскрылись?

— Шестьдесят тысяч мыслелет. — Я провел языком по внезапно пересохшим губам и добавил шепотом: — Полный крах.

И вдруг Манчуско подался вперед.

— Кто за вами охотится? — резко спросил он. — Там, на корабле, кто пытался вас убить?

— Я не знаю! — истерически вскрикнул я, но тут же взял себя в руки и постарался говорить спокойно. — Извините, пожалуйста. Это мог быть буквально кто угодно. У меня есть некоторые подозрения… — Было бы нечестно упоминать Арианну, она была тогда рядом со мной и рисковала ничуть не меньше. — Но все как-то слишком расплывчато. Можно только ручаться, что это не кто-нибудь из руководителей биржи.

— Прекрасно. Пока вы здесь, вы пребываете

под защитой ее величества. Если у вас возникнут какие-нибудь проблемы, обращайтесь за помощью к любому из стражников. — (От его улыбки мне захотелось убежать куда-нибудь подальше и забиться в угол.) — Что видит один, видят все, видит *Она.*

Не решаясь довериться своему языку, я молча кивнул.

— И наконец. Относительно причины, почему мы позвали вас сюда. Вы не единственный, кто пострадал под обломками рухнувшей биржи. Портфель ее величества весьма диверсифицирован, и некоторые из наших инвестиций несколько пострадали. Ваша работа будет состоять — неофициально — в том, чтобы взять на себя управление ее хеджинговым фондом и перестроить его в соответствии с обстановкой. Официально вы не будете работать на рынке, вы дисквалифицированы. Ваша компания неплатежеспособна и подлежит ликвидации, если контролеры сумеют ее выследить. Вы не кто иной, как дисквалифицированный управляющий. Однако неофициально я надеюсь, что ваши ошибки многому вас научили. Потому что мы не хотим, чтобы вы повторили их здесь. — Он встал и указал рукой на боковую дверь. — Там ваш

кабинет и ваш брокерский стол. Позвольте, я вас ему представлю…

К вечеру я вернулся в свой номер и занялся двумя делами одновременно: пытался переварить руководство по управлению столом и склеить по кускам вдребезги разбитое самообладание. Мне только-только почти удалось забыть о событиях дня, как в дверь постучали.

— Кто там? — окликнул я.

— Ваш недостойный слуга, м'лорд, — откликнулся Сейлем. — С манускриптом для вас!

Я мгновенно вскочил на ноги.

— Войди!

Он вошел в мой номер, держа свернутый в трубочку лист пергамента в вытянутых руках, словно опасался чем-нибудь от него заразиться.

— Нижайше прошу у вашей чести прощения, но это доставлено вам из дворца. Посыльный ждет ответа вашей чести.

Я взял свиток и сломал восковую печать. *Прекрасно развлекаюсь при дворе. Официальное представление пред светлые очи ее величества сегодня в восемь вечера. Твое присутствие затребовано Царицыным повелением. Ты придешь? Твоя «жена».*

«Привет, Арианна», — подумал я. Мне вспом-

нилось ее лицо, леденящая красота. Веселую шуточку сыграл со мной тот, кто смастерил эту память. Я твердо решил, что, если когда-нибудь он попадет мне в руки, я весело посмеюсь, откручивая ему башку.

— Попроси посыльного передать ей, что я приду, — велел я Сейлему.

В семь вечера Сейлем снова предстал пред моими очами.

— Нижайше прошу у вашей чести прощения, но скромный, недостойный вас портшез уже подан к дверям гостиницы, — пробормотал он до рвоты приторным голосом.

— А не рановато ли? — удивился я, однако встал и пошел.

Нет, было отнюдь не рановато. Я сидел в тесном деревянном ящике, чуть не прижимаясь носом к узенькому, как щель, окошку, окаймленному скрупулезно выписанными сценками деревенского пьянства и разврата. Два плечистых носильщика пыхтели и отдувались, таща мой ящик — и меня вместе с ним — по булыжной мостовой столичных магистралей. Мы кренились и раскачивались из стороны в сторону, а потом надолго увязли в зыбучей массе пешеходов: в этот день происходил царский прогон омаров.

Омары могут жить на воздухе достаточно долго, и по древнему местному обычаю их время от времени гнали по улицам к воротам царского дворца: от испуга и напряжения мясо несчастных ракообразных делается еще вкуснее. Через какое-то время носильщики снова подняли меня и продолжили свой путь, теперь мы даже слегка опаздывали.

Они опустили ящик на землю и с поклонами открыли дверцу. Я вылез и выпрямился, стараясь не охать вслух, а затем начал осторожно разминать мышцы ног, болевшие так, словно я одолел все расстояние бегом. Портшез был припаркован в обширном дворе, прямо перед входом во дворец и за его высокой оградой. Мои носильщики пали ниц перед юным офицериком королевских драгун. Я чуть поклонился ему и приподнял свою шляпу.

— Сэр Бломенфельд, — сказал офицер, — с вашего соизволения, не может ли сэр пройти сюда.

— Конечно же.

Он повел меня внутрь, затем пологой мраморной лестницей и широким, устланным алым бархатом коридором. Откуда-то спереди доносились нестройный шум, голоса и обрывки музыки. В конце концов мы оказались на ярко

освещенном участке коридора и через высокую двустворчатую дверь вошли в своего рода прихожую со стенами и потолком сплошь в помпезной золоченой лепнине. Здесь меня встретила четверка слуг, возглавляемая гофмейстером.

— Его превосходительство коммерсант первой гильдии Альберт Бломенфельд, временно приписанный к казначейству ее величества! Да продлятся дни ее жизни! — возгласил гофмейстер.

Под пение фанфар передо мной распахнулась еще одна дверь.

Теперь я оказался в высоком, с верхним светом зале, оформленном с варварской пышностью и скрупулезнейшим вниманием к деталям. Шахматный пол из белых и черных плит сверкал такой безукоризненной чистотой, что было страшно на него ступить. Никто из в пух и прах разряженных придворных, толпившихся в этом зале, не обращал на меня никакого внимания. Самой Царицы не было видно — да я и не рассчитывал, что меня сразу же ей представят. Я оглядывался по сторонам, высматривая Арианну, а заодно удивляясь, каким образом она сумела так быстро примазаться ко двору. Впрочем, ее происхождение, пусть даже и кем-то там вы-

мышленное, давало ей полное право вращаться в высших кругах.

— Привет, Ален!

Арианна буквально ослепила меня своей улыбкой. На ней было в высшей степени элегантное платье из шелка цвета морской волны, с ярким узором из зеленых, в тон подобранных глаз; горжетка, свободно накинутая на лебединую шею, смотрела на меня как на жалкое, достойное лишь сожаления существо.

— Ты, я вижу, цветешь и пахнешь, а? — произнесла она. — Знаешь, нам нужно серьезно поговорить.

Она взяла меня за руку и повела прочь от двери. *Публика тут совершенно жуткая,* прозвучало в моей голове. *К тому же общаться открытым текстом несколько затруднительно. Закодируешь?* Я кивнул. Программа, записанная на избыточных нейронах моего мозжечка, установила личный дешифрующий ключ, связанный с ее мозгом, и стала кодировать все дальнейшие разговоры.

— Ты уже знаком с положением дел в казначействе? — спросила она.

— Э-э? — не понял я и удивленно на нее воззрился. Ее платье взирало на меня с добродушной

насмешкой.

— Не притворяйся полным идиотом. Трудно, конечно, сказать, кто за всем этим стоит, но она притащила тебя сюда отнюдь не затем, чтобы копаться в ее бухгалтерских книгах, ее привлек твой брокерский опыт.

— Ее?

— Царицу, — чуть поморщилась Арианна.

Галерея, выходящая на внутренний двор, аккуратно подстриженные газоны, клумбы, каменные плиты дорожек. Мое знание озарило меня внезапной вспышкой дежавю: фальшивые воспоминания, как на Нью-Венере, я сопровождаю Арианну на какой-то бал, как ускользаю вместе с ней от прочих гостей, тихие вздохи в полуночном саду… Мой пульс участился, ее пальцы жарко стиснули мне руку.

— Слишком уж их много, этих чертовых воспоминаний. А ты, Ален, ты тоже это чувствуешь?

Я кивнул.

— Знаешь, мне кажется, что это неспроста. Мы должны будем что-то там сделать, и сделать вместе, иначе на кой бы ляд они, кем бы они там ни были, накачали нас обоих одной и той же липовой историей. Ты помнишь?

Стоя спиною к перилам, она пристально меня

изучала.

— Я…

Я потряс головой, пытаясь избавиться от наваждения. Снова дежавю, на этот раз изнутри: я действительно знал Арианну, знал из чего-то реального, не обусловленного внешними факторами. *Внешние факторы, влияющие на рынок*. Ну а эта-то мысль, откуда она появилась?

— Могу поклясться, что я в жизни тебя до того не видел — до того, как ты вошла в этот обзорный салон. И несмотря на все эти ложные воспоминания…

Арианна согласно кивнула.

— А знаешь что… — начала она.

— Мм. Что?

И тут она вдруг подалась ко мне, уперлась острым подбородком мне в ключицу и стиснула меня в цепких, как стальной капкан, объятиях.

— Я не помню, — прошептала она мне на ухо. — Ни-че-го. Ничего до этого салона. У меня есть, конечно же, уйма внешних воспоминаний, но никаких внутренних.

Арианна дрожала всем телом, с головы до ног, пораженный и этим, и неожиданным признанием, я тоже ее обнял.

— Я знаю, кто я такая, но совершенно не помню,

как я становилась собой. Изнутри не помню. Все мои воспоминания до того момента как будто от третьего лица. Мне кажется… мне кажется, что прежде я была кем-то другим.

— Это ужасно.

— Ужасно, говоришь? — Судорожное напряжение чуть отхлынуло от ее рук. — А как насчет тебя?

— Я… — Я неожиданно осознал, что стою и обнимаюсь с очень привлекательной женщиной. С женщиной, на которой, если верить моей внешней памяти, я был женат. — У меня есть ложные воспоминания. Ровно один комплект, в котором и ты присутствуешь. И реальные — я думаю, что они реальные, — где тебя нет.

Арианна отстранилась от меня, сделала шаг назад и тряхнула головой.

— Так, значит, ты знаешь, что ты настоящий? Ну а я, кто же я тогда такая?

Ее платье растерянно заморгало. Пушистые ресницы трепетали от подола и до ворота.

— Не знаю. Ты мне прежде никогда не встречалась — я, во всяком случае, такого не помню.

— Ты совершенно уверен? — Арианна нахмурилась, ее прелестные, безукоризненной лепки брови почти сошлись вместе. — Меня ввели в

твою жизнь, даже не объяснив почему. Ты точно уверен, что ничего обо мне не знаешь? У тебя, похоже, есть весьма серьезные враги. Не может ли быть, что ты сам по какой-то причине стер из своей памяти часть ключевых событий? — Она смотрела на меня настолько понимающе, что я вспыхнул, как стеснительная девица. — Я, Ален, совсем не огорчаюсь этой жизнью без прошлого. Только мне хочется знать почему. А на закуску — кто желает нашей смерти.

— Экзистенциализм на пустой желудок, — констатировал я и скептически помотал головой.

— Пойдем-ка мы лучше в зал, пока нас не хватились, — сказала она с печальной улыбкой.

— Рада познакомиться с вами, — сказала Царица. Легкий сквозняк шевелил ее усики. — Да вы не волнуйтесь, чувствуйте себя как дома.

Я выпрямил согбенную шею. Прислужники трудились над царственным брюшком, полируя его с самозабвением роботов.

— Как угодно вашему величеству.

— Мне доставила большое удовольствие компания вашей высокородной жены, — заметила Царица высоким голосом, прогоняя воздух сквозь речевые дыхальца; мне показалось, что-то в сказанном ее забавляет. — Как я понимаю, у вас

возникла небольшая проблема с памятью.

— Мне нечего сказать на этот счет. Над головой, под потолком подсобные работники жужжали и носились, как сбрендившие осы. Воздух был сухой и горячий от их кодированной болтовни в инфракрасной части спектра. Но я обливался потом совсем не из-за жары.

— Тогда и не говорите. Вы притворитесь, что никакой проблемы нет, а я притворюсь, что вы не отказывались ответить на мой вопрос. Но это, сэр Бломенфельд, лишь для первого раза. Пейте.

Один из прислужников выдавил из себя в мою правую ладонь бокал с темно-красной жидкостью. Я слегка покрутил эту жидкость, понюхал и выпил. Не знаю уж, что это было, но только не алкоголь.

— Благодарю вас.

— Благодарности излишни, а вино действительно прекрасное. Ну так что же вы думаете о моем весьма скромном портфеле?

Я растерянно сморгнул.

— У меня еще не было времени провести детальный анализ…

— Ничего, ничего. — Царица отмахнулась парой рук, бывшей до того не при деле. — На этой стадии я и не жду от вас никакой особой

точности.

— Ну что ж. — Я нервно облизнул губы. *Ни хрена себе скромный портфель.* — Некоторые из них растут в цене вполне прилично. Я заметил там две многообещающие философии, если не больше. Для полного анализа зависимости ваших инвестиций от внешних факторов потребуется время — многие из них склонны передумывать, — но я не вижу никаких оснований сомневаться, что все они быстро пойдут вверх, как только рынок оправится от рецессии. Я бы сказал, что ваши паи относятся к самым разумным, какие мне только встречались.

Царица захихикала — звук, как гвоздем по стеклу.

— Приумножьте мои активы, доктор, и я буду вам весьма благодарна. — Она вдруг напряглась, по брюшине пробежала длинная дрожь. — А теперь покиньте меня, будьте добры. В данный момент у меня нет необходимости в человеческом услужении.

Отосланный взмахом ее руки, я покинул царские покои и вернулся к толпе придворных. Где-то там, за закрытыми дверями, Царица рожала новый процессор.

На третий день работы я явился в маленький

кабинет, предоставленный мне Виктором Манчуско, раньше обычного. Открыв его дверь, я буквально остолбенел. На лице Арианны, сидевшей почему-то за моим столом, было такое тоскливое выражение, словно скончалась ее любимая тетя.

— Я пыталась остановить их, Ален, но они и слушать не хотели.

— Что…

Кто-то втолкнул меня в кабинет, довольно бесцеремонно, вошел сам и захлопнул дверь.

— Заткни хлебало! Я по заказу с биржи! — рявкнул незваный гость.

Я повернулся, очень медленно, без резких движений, и стал постепенно поднимать глаза, пока не встретился со взглядом его маленьких черных, близко посаженных глаз.

— Что тебе нужно? — спросил я, стараясь не замечать прицельные контактные линзы, янтарно поблескивающие на его зрачках. — Это ты подложил тогда бомбу?

— Я пришел за компенсацией. — Медведь переступил с ноги на ногу, половицы страдальчески заскрипели. — Мои главные акционеры считают тебя виновным в неадекватном прикрытии при использовании заемных средств. Я пришел

получить полную компенсацию. Не бомбист. Бомбиста послал идиотский торговый скрипт. Бомбист не будет больше взрывать.

— Угу.

Я медленно, очень медленно сделал шаг назад. Теперь, войдя в кабинет, я разглядел моноволоконную паутину; привязанная к стулу Арианна боялась даже пошевелиться. Это было возмутительно! Что эти типы себе позволяют, что они сами об этом думают? Арианна пыталась поймать мой взгляд. Я подмигнул ей, вспомнив о безопасном канале связи, установленном нами в день прилета.

— Я забираю это имущество, — сказал медведь, положив тяжелую руку на спинку ее стула; Арианна сморщилась как от удара. — А еще мне нужны ключи к твоей памяти. Ты бы, док, подсуетился на этот счет.

Он улыбнулся, оскалив много, очень много зубов. *Ален?*

Я пошевелил свое знание в надежде подобрать частотную полосу, по которой можно было бы позвать кого-нибудь на помощь, но без всякого успеха. *Слушай, а ты-то зачем ему потре…*

Ключи. К твоему портфелю, ко всему.

Ключи от памяти.

— Ключи от моей памяти? — Я делано расхохотался. — Да ты, наверно, шутишь! Я не смог бы отдать их тебе, если бы даже хотел…

— Твое сотрудничество не необходимо, — оборвал меня медведь. — Только твое знание. И твоя компания. Забрать ее. Получить назад опции.

— Ее? Но она мне не принадлежит, я ее раньше даже не встречал! Кто-то подделал наше публичное знание…

Медведь смотрел в упор, обдавая меня горячей вонью своего дыхания.

— Амнезия, док, не является извиняющим обстоятельством. Как ни крути, но она твой бизнес. Клонированное тело, те же бандитские алгоритмы. Я беру ее с собой! Сейчас. И твои ключи. Или я возьму твою голову с ними внутри.

Арианна снова смотрела на меня, в расширившихся зрачках ни намека на чувство. *Это правда? Ты моя компания?*

Она чуть заметно кивнула. *Это твоя, Ален, идея. Селективная амнезия, чтобы ускользнуть от охотников. Разумная причина, чтобы мы держались вместе. И ты, по идее, должен был остаться со мной. Никуда не сбегать.*

Я поднял глаза на медведя, стараясь не выдавать ему своих мыслей. Так, значит, Арианна с

самого начала была конструктом? Да к тому же конструктом моего производства — несостоятельная компания в бегах от ликвидатора.

— А по правде ты ведь не от биржи, верно?

— Умница. Правильно думаешь. — Медведь извлек откуда-то маленький сфероид и направил его на меня. — Скажи мне, умница, это твой?

Черт. Всегда-то мне надо языком молоть. Ну конечно же, ребята с биржи не стали бы связываться с примитивным биороботом, ни в коем разе. Ясно, что этот громила от Организации. Отмывают, наверное, информацию — сбрасывают уйму мыслелет в арбитражный сектор, чтобы опции, записанные на других пешек, становились умнее. Но после обвала рынка мое собственное раскрытие разошлось по сторонам, как круги по воде, и болезненно ударило по ним.

— Слышь, а может, мы договоримся?

— Поздно, базар закрыт.

Медведь усмехнулся, подался вперед и широко, невероятно широко распахнул свою пасть. Я услышал щелчок и скрип выворачиваемых суставов, а затем на самом краю своего сознания ощутил знакомую вибрацию: в его зубы были вставлены квантовые сканеры, способные секвестрировать неколлапсированные волновые

функции, скрытые в глубине криптографических черных ящиков.

Я резко ушел в сторону, а затем попытался ударить огромного биоробота головой в живот. Он громко хрюкнул, а в глазах у меня на мгновение потемнело — врезалось внешнее знание боевых техник, врезалось и объяснило, насколько безнадежно мое положение. Арианна сражалась с паутиной, изометрически напрягаясь и дрожа, как в припадке эпилепсии. *Ключи, Ален, ключи! Открой мне доступ к твоим ключам!*

Не дав медведю себя схватить, я откатился назад, швырнул в него тяжелую вешалку и спрятался за стол. *Зачем? Да ты не болтай, а делай.*

Медведь небрежно, одной рукой поймал вешалку и разломил ее о колено. Махнул одним из обломков в мою сторону, а другим шарахнул по столу. Стол завизжал, из одного из декоративных ящичков часто закапала кровь. *Сейчас*. Я сгенерировал аутентификационный пароль, вложил его Арианне в голову и открыл доступ к моим ключам, чтобы она могла ими пользоваться как моя представительница. Похоже, медведь не хотел еще ее смерти, он крякнул и попытался перегнуться через нее, чтобы достать меня. Она полувывалилась с сиденья, а я воспользовался

моментом и полоснул по моноволоконной проволоке своим бритвенным ногтем. Он скрипнул, как мел по грифельной доске, но проволока не поддалась.

— Ты не можешь сбежать, — прорычал медведь. — Я имею генеральную доверенность…

Он застыл, не закончив фразы. Арианна передернулась всем телом и обвисла на стуле, я, так и прятавшийся за столом, перекатился на спину, схватился за каблуки и начал лихорадочно собирать из спрятанных там элементов оружие. Продолжая катиться, я сшиб закусочный столик вместе с закусками, поднял глаза и увидел медведя, падавшего прямо на меня с неудержимой неспешностью коллапсирующего рынка.

Когда вернулось сознание, я обнаружил себя в знакомой обстановке своей роскошной, со свинцовым водопроводом мансарды. Мои корпоративные активы лежали на одной со мною кровати, обнимая меня с той же нежностью, как в фальшивых воспоминаниях о никогда мною не прожитом медовом месяце. Голова моя дико болела, я чувствовал, что весь покрыт синяками, однако быстрый аудит медицинской памяти уверенно показал отсутствие каких-либо серьезных повреждений. Нейроглические поддержки убе-

регли мой мозг от каких-либо долговременных последствий сотрясения; во рту стоял отвратительный вкус, но не считая этого…

Успокоившись за себя, я поерзал в постели, укладываясь поудобнее. Арианна вздохнула во сне; я чувствовал, что ее внутренние процессы идут обычным чередом, тени под тонкой скорлупой видимой реальности. Случившееся припоминалось все яснее и яснее. *Память, перепроверь.*

Ну что, перезагрузился? — спросила Арианна, приоткрыв левый глаз.

— В основном уже в норме, — ответил я и прокашлялся, чтобы прочистить горло. *Результаты проверки положительные.* Я пытался, но все никак не мог собрать в одну кучу расползавшиеся мысли. — Так что, это и вправду так было?

— Осторожнее надо торговать, вот что я скажу тебе, мой милый. Это был единственный путь выбраться из того, на Дордонье, обвала. Или ты предпочел бы, чтоб они повинтили меня и заставили тебя платить все долги? Ведь под конец на тебе висело несколько миллиардов мыслелет…

— Нет! — заорал я и попытался сесть. Арианна силой уложила меня снова.

— Пока нельзя. У тебя еще голова не в порядке.

— Но мои ключи…

— Успокойся, он их так и не получил. Твоя голова все еще сидит на плечах, а не плавает в банке.

— Но как ты там выкрутилась?

— Ничего такого необычного, Ален. Его прислал один из синдикатов. От твоего имени, действуя как твоя представительница, я поручила столу разместить огромный заказ, обеспеченный портфелем ее величества.

— Но он же был там, с нами! — Я зябко передернулся. — Времени же не было никакого!

— Времени было сколько угодно. — О чем-то неожиданно вспомнив, она провела ладонью по моей груди. — Мм. Хорошо ты придумал с этой внешней памятью…

— Медведь. Бога ради, расскажи, как там все было.

— Если уж тебе так не терпится… — Она сосредоточенно нахмурилась. — Я просто поручила столу покупать *все* — все, что имелось на рынке. До предела загрузила полосу пропускания единственного канала, ведущего сквозь файрвол, а стол был и рад стараться. Медведь был на дистанционном. Пока активы прощались с Казначейством, он был полностью заблокирован. Заблокированный, он не мог даже пошевелиться,

а к тому времени, как он очухался, я уже сумела освободиться и позвала стражников. Не то чтобы в этом была особая необходимость. Я сокрушенно покачал головой.

— Боюсь, мне придется еще пожалеть, что задал этот вопрос. Так почему необходимости в этом не было?

— Понимаешь, я ведь просто закачала на рынок уйму ликвидных активов. Рост объема продаж потащил цены вверх, запустил пусть и малое, но оживление рынка, а за последние несколько часов появились явные признаки, что рынок встает на ноги всерьез и надолго. Я думаю, что подъем будет еще долго продолжаться; уже через несколько месяцев ее величество может получить весьма приличный куш. Как бы там ни было, тебе не стоит больше опасаться телеуправляемых бандитов, а ближайшие год-два так и точно не стоит. В конце концов… — каким-то непостижимым образом она оказалась у меня под боком и теперь жарко дышала мне в ухо, — ведь медведи не могут работать на растущем рынке!